

Алексей Акишин

ЩУКА

Рассказ

В тот день Сергей во всю ивановскую крестил и себя, и своих друзей-рыболовов. Накануне они наперебой рассказывали ему про небольшую лесную речку, про то, что щуки и щурята в ней, будто голавли косяками ходят и берут на все подряд. Гвоздь кинь, уверяли его и били себя в грудь друзья-собеседники, и то не побрезгуют и набросятся всей стаей.

И рассказывали об этом так убедительно, что Сергей ни толики не сомневаясь в их заверениях, все принял за чистую монету и раскатал губенки на небывалый улов.

- Как пить – наловишь, - в один голос уверяли они. – А не повезет, мол, раз на раз не приходится, к Маньке-Щуке зайдешь. У нее рыбы не переводится – боченками солит. Она без рыбы не живет. Чуть что, забежишь к ней, поделится – старуха не скопидомистая.

- Какая Манька? – поинтересовался Сергей, хотя когда-то и опять же от своих друзей слыхивал о ней краешком уха.

- Да там деревушка на угоре стоит – домов пяток еще сохранилось. А жителей – одна Манька да еще одна старушенция – божий одуванчик. Зайди – познакомишься. Дом у нее на отшибе стоит, не перепутаешь. Рыбы ее соления отведаешь, а заодно и узнаешь, почему ее Щукой кличут...

К этой рыбалке Сергей готовился основательно, просидел до полуночи, подбирая и шлифуя о старый валенок блесны, а утром поднялся ни свет ни заря и вышел на большак. Голосовать долго не пришлось. Первая же попутка остановилась, подобрала. И через час с гаком он уже был на устье той самой речки, где, как суетливо и заморожено рассказывали рыболовы, щук кишмело кишмя.

Первые забросы он делал с большим трепетом и ожиданиями того, что вот-вот из-под коряжины или низко свисающего над водой куста выскочит щуренок или даже щука и затрепыхается, забьется на остро заточенном тройнике, пытаясь освободиться и вырваться на волю. Но в речных бочагах будто вымерло все или вымерло вовсе. Щучьих хваток и даже выходов не было. И надежды на удачу таяли и таяли, растворялись вместе с поднимающимся к небу густым и вязким туманом.

Прошло уже часа два. Сергей поднимался все выше и выше по реке. Тропинка, протоптанная рыболовами вдоль берега, становилась все менее приметной, а затем и совсем сошла на нет. Идти дальше становилось труде и труднее. Но он, поднимая высоко над головой спиннинг, упрямым быком продирался сквозь густые заросли крапивы и похожие на гигантские береты зеленые кусты ивняка. Пьянящим ароматом ароматом выдавали себя, затерявшиеся в высокой и непролазной траве раскидистые кусты черной смородины. Одолевали комары, и мелкая мошкара. Вились жирными осами и кружились над ним только-только очнувшиеся от утренней прохлады пауты и слепни. Надежд на какую-нибудь суленую друзьями удачу у Сергея почти не осталось. Но он не пропускал ни единой бочажины и ни единого травянистого, похожего на ковер речного переката. Но вода оставалась безмолвной – ни всплеска, ни буруна выскочившей на приманку рыбины. Не помогала ни смена блесен, ни манера проводки их.

Сергей казнил себя за потерянный день и свою доверчивость, за то, что его – опытного в общем-то рыболова объегорили и обвели вокруг пальца, как последнего простачка, свои же друзья. Теперь уж точно, прикидывал он с грустинкой, вдоволь назубоскалятся и на всю округу сороками разнесут, что так ловко его провели – на пустой крючок, дескать, попался.

О каком-то – даже самом скромном улове – ему уже и не грезилось. Думалось о другом, о том, как бы ловчее и остроумнее отыгаться на своих друзьях-обманщиках и навесить им на уши такого, что им и во сне не снилось. Но ничего путного в голову пока не приходило.

Со стороны большака доносился гул проходящих машин. Он становился все отчетливее. Сергей прикинул – километра полтора-два будет. Он уже подумывал свернуть спиннинг, подняться на угор и сигануть прямушками на дорожные звуки. Но день все равно был потерян, и он решил идти до упора. Ему просто захотелось наперекор своим друзьям-баламутам узнать эту лесную незнакомую речку – каждую мало-мальски глубокую, прячущуюся в прибрежных кустах бочажину, каждый пережат, каждый говорливый камешник. Он настырно, пробирался вдоль реки, чтобы никто потом не мог его упрекнуть, что, мол, пролетел по ней как на самолете или наоборот убежал с нее – зарослей побоялся, а от того, дескать, и не поймал ни шиша.

Впереди сквозь ольховые заросли, словно на картине, показался мост. Еще издали было заметно, что он давний-предавний и дышал на ладан, доживая свой век в плену зеленых кустистых деревьев: высокий, горбатый с трухлявым продырявленным настилом покосившимися, расползающимися по сторонам сваями.

Не доходя до моста, Сергей пробрался сквозь частокол молодого ольховника и остановился на небольшом пятчке подле самой воды. С противоположного берега плотным изумрудящимся одеялом свисал с берега широкий и приземистый ивовый куст. По обе стороны омута были широкие мелкие пережаты – камешники. Вода на них журчала и пенилась, искрилась, пережатываясь с камушка на камушек. Прямо перед Сергеем прыгали на мелководье, словно дети, играющие в догонялки, две длинноногие пичужки и так безбоязненно, что рядом за кустами будто и не было рыболова.

Утренний туман поднялся и застлал все небо от края до края. Оно сделалось по-осеннему серым и низким, готовым вот-вот разразиться ненастьем, прохладной затяжной моросью.

« Попробую-ка еще здесь и пора закругляться» - подумал Сергей, поглядев на не сулящее ведра небо и заросшую насыпь моста, где по его мнению должна быть какая-то мало-мальски приметная дорога, ведущая в

деревню. Он кротко и резко взмахнул удильником. Блесна, описав пологую дугу, почти беззвучно опустилась под ивовый куст. Он подождал секунду-вторую, дав ей опуститься на дно, стал неторопливо вращать катушку: оборот, другой – остановка, оборот, другой – остановка...

Вода под самым кустом вдруг резко взбурилась, вспенилась и покрылась мелкой, расходящейся по сторонам мелкой волной. Удильник дернуло так резко, что от неожиданности Сергей не удержал его в руках. Спиннинг выпал из его рук и заскользил под ногами к закрайку воды.

Он кошкой бросился за ним, перехватил его и лихорадочно закрутил катушку. Леска шла необычно легко, без какой-либо натяжки и даже провисала, словно на ней нет ничего – ни блесны, ни схватившей ее щуки. От волнения у Сергея дрожали руки. Он неумемно торопился. Леска то и дело соскакивала с барабана и наматывалась на пальцы, путалась. И вдруг она кончилась: блесны на ней не оказалось. Она была срезана, словно бритвой.

Сергей спешно достал из кармана рюкзака с начищенными до зеркального блеска блеснами, но крышка ее поддалась не сразу. Она словно прикипела – видать, торопливость рыболова подводила. Наконец-то крышка откинулась. Сергей дрожащими руками выудил из нее первую попавшую под руки блесну и стал спешно прихомутивать ее к снасти. Пальцы не слушались, были какими-то неуклюжими, а глаза беспрестанно стреляли на затихшую темную гладь омута. Он спешил, опасаясь, что щука уже почувствовала что-то неладное и может намертво затаиться или сигануть по перекатам вверх или вниз по течению и тогда – ищи ветра в поле.

Наконец-то он перевел дух. Он снова стал во всеоружии – снасть восстановлена и готова к забросу. Блесна серебристым стрижом, но уже не столь беззвучно и аккуратно, шлепнулась подле куста и почти в том же самом месте. Первая проводка – безрезультативна. Вторая, третья – тоже самое. Сергей менял направление забросов, скорость проводки, не помогала и смена блесен. Щука никак не выдавала себя, словно ее и не было в этом омуте. И если бы не блесна, отхваченная словно острущей бритвой,

спиннингист мог бы подумать, что все покарзилось, привиделось будто во сне. Пытаясь унять все еще не устоявшийся трепет, он положил спиннинг на землю, присел рядом, закурил. « Надо подождать, пусть и она дух переведет» - успокаивал он себя с надеждой на успех. Но азарт, нетерпимое желание еще раз померяться хитростью и силой с этой невиданной, но несомненно крупной и осторожной рыбиной, никак не оставляли его, а наоборот усиливались, нарастали. И он после двух-трех затяжек с какой-то даже небрежностью торопливо отшвырнул сигарету в сторону.

Щука, как и в первый раз, дала о себе знать также неожиданно, что у Сергея перехватило дух. Он стрелой или даже темнеющей в воде молнией выскочила из глубины около самого берега и почти у ног самого рыболова и, не задев блесны, крутанулась винтом и, показав свое белеющее брюхо, исчезла. Вода возле берега забугрилась, закружилась расходящими по сторонам быстрыми воронками.

После очередного заброса щука показалась снова, словно бы заявляя о себе, что она готова к поединку и уже вступила в него. И вновь рыбина проделала то же самое: она стремительно выскочила к поверхности воды, сделала крутой разворот и, пометив тихий безмолвный омут расходящимися во все стороны буруном, не спеша, словно бы оседая и показывая рыболову свою смелость и решительность, ушла в глубину. Потом еще и еще щука не раз рассекала воду, мелькая брюшиной и широким с растопыренную ладонь хвостом, и, как внезапно и стремительно появлялась, так же стремглав и исчезала. И всякий раз неподалеку от блесны: то в стороне от нее, то позади...

Сергею уже казалось, что это вовсе не рыбина, а какой-то речной дьявол в щучьем обличьи, которым верховодит не хищнический инстинкт, не обжорство и жадность, а чувство беспредельного властелина этого мрачного, таинственного и окруженного кустами омота. Причем властелина сильного, умного и даже благородного, не пытающегося схватить

острющими зубами эту маленькую и нагловатую рыбку-блесну, а терпеливо и с какой-то непонятной и необъяснимой гуманностью пугающего ее своим грозным видом и прогоняющего прочь из своего давно обжитого речного дома. Щука каждым своим появлением словно бы показывала, что здесь она хозяйка, что здесь не место чужакам, какими бы верткими и наглými они ни были.

Сергей с азартом и решительностью выйти победителем вступил в это единоборство. Он делал заброс за забросом. Пока тщетно. И вот блесна тихо булькнула в самом начале омута – на границе журчащего камешника-переката и начинающейся глубины и тускло заиграла боками. Удильник резко дернуло. Он согнулся дугой, напружинилась, зазвенела и натянулась струной леска. Ручка катушки едва не вырывалась из рук спиннингиста. А там, в самом начале омута, будто в кипящем котле, заходила, забурлила вода. Щука проворно не поддавалась и где-то в глубине билась волчком, норовя вырваться и вновь оказаться на свободе.

Наконец, как показалось Сергею, в ходе этого поединка произошел перелом. Щука поугомонилась, словно поняла, что крутиться колесом, метаться из стороны в сторону короткими и сильными рывками, затея пустая. Сергею было уже отчетливо видно, что рыбина поднялась в полводы и медленно идет на середину спасительного омута. С большим трудом, но катушка все же начала поддаваться. Оборот за оборотом. Третий, четвертый, пяты...

И вдруг, словно желая посмотреть и увидеть воочию своего противника, щука всплыла. Сергей сразу же увидел широкую раскрытую пасть с торчащей из нее блесной, большие выпуклые глаза и раскинутые по сторонам медно-красные боковые плавники. Оказавшись наверху, рыбина несколько метров шла к берегу, шла послушно, будто разбитая параличом, без какого-либо сопротивления, не плюхаясь, не бултыхаясь, а только слегка, словно ласковая и послушная дворняга, шевелила хвостом, оставляя позади себя мелкие, быстро исчезающие водовороты.

Но ближе к берегу щуку будто подменили. Она, словно все соизмерив и оценив, с кем имеет дело, в мановение ока из плывущей послушным тяжелым топляком превратилась в само неистовство.

Она круто развернулась и, взмахнув в воздухе широким, будто весло, хвостом, словно прощаясь с досадившим и обидевшим ее рыболовом, быстро пошла в сторону. Щука не останавливаясь ни на мгновение, делала круг за кругом, которые то ширились, то сужались. Катушка, поставленная на тормоз, то замолкала, то трещала автоматными очередями: короткая – длинная, короткая – длинная...

Сергей едва успевал управлять катушкой, стараясь все время держать леску внатяжку, чтобы быстрее обессилить рыбину, сделать ее покорной, утихомиренной.

И щука, не выдержав столь напорной борьбы, стала сдавать. Она замедлила ход и упрямым быком остановилась подле свисающего в воду куста, в том самом месте, где минутами назад не устояла и без промаха решительно бросилась на набившую ей оскомину маленькую вертлявую рыбешку-блесну. Ее там будто привязали. Упруго натянутая леска предупреждающе тонко звенела – вот-вот оборвется. Сергей это чувствовал и понимал, что сейчас лучше повременить, а не рвать через силу – щука уже измоталась, устала и еще немного, еще чуть-чуть, думалось ему, и она сдастся, признав себя побежденной.

Но мысли его о близкой добыче неожиданно оборвались. Леска вдруг в мановение ока ослабла, повисла и опустилась даже на воду. Катушка крутилась свободно, словно там, на конце лески не было не только ни рыбины, но даже и самой блесны.

«Неужели ушла?» - мелькнуло в голове рыболова. Но тут леска снова выпрямилась и напружинилась. Она теперь вытянулась вдоль берега, на котором стоял Сергей, уходила по течению под кусты и в торчащие из воды остатки мельничных свай и неумолимо натягивалась все сильнее и сильнее, становилась тонкой дрожащей струной, готовой в любой момент лопнуть,

будто прелая нитка, зацепиться за колодину или за острый как нож камушек. Сергей опустился ближе к воде и тотчас же увидел то, чего не заметил сразу, когда пробирался к омуту. Под заросшим кустами и высокой непролазной травой берегом вдоль всего камешника шла глубокая канава-протока. Она была похожа на тайный, скрытый от человеческого глаза, рыбий выход из ямы в другие речные просторы. Вода в ней пенилась, с журчанием выплескивалась на каменистую отмель и на прибрежные, сползающие в реку дерновитые кочки. Щука еще не сдавалась, но словно чувствовала, что схватка уже проиграна и ею уже навсегда потеряно самое дорогое – единоличная и безраздельная власть над этим давнишним мельничным омутом, покидала ее. Она напористо прорывалась к этой бурлящей протоке, пытаясь уйти вниз по течению в другие бочажины. Щука уходила гордо, кидаясь из стороны в сторону, уходила медленно, упорно отвоевывая у рыбака метр за метром. Сергей пытался не дать ей воли, держал уже вошедшую в горловину протоки рыбину в постоянном напряжении, но все же, боясь рисковать и остаться без близкой уже добычи, стравливал и стравливал леску, опаской поглядывая на катушку – она вот-вот опустеет. И тогда уж наверняка жди подвоха – леска на узле может не выдержать и оборваться. А щука, подхватываемая бурным потоком, неумолимо продвигалась по протоке, прячась под кочками и нависшей над водой густой зеленью.

Сергей пытался ее остановить, до боли в пальцах, сдерживая катушку, Но – тщетно. Щука начинала биться в протоке, выбрасывалась на камешник, с шумом и плеском билась о галечник и вновь скатывалась в крутоверть быстрины.

Лески на катушке оставалось всего ничего – каких-нибудь пять-шесть витков. Еще немного и стравливать будет нечего. Тогда Сергей не раздеваясь и не выпуская из рук удильника, спустился в воду. Сначала было глубоко – по самую грудь, но потом крутым уступом началась отмель. Он выбрался на камешник и, лихорадочно работая катушкой, стал догонять уходящую щуку.

До нее оставалось с десяток шагов, и тут рыбина, то ли увидав подбирающегося к ней рыболова, то ли почувствовав близость спасительной глубины, ринулась по протоке с небывалой силой. Но, удерживаемая Сергеем, круто вертанулась, выскочила на облизанные водой камешки и затрепыхалась на мели, подымая снопы брызг-бисеринок.

Удильник дергался, вырывался из рук. Но Сергей, не давая леске слабины, быстро приближался к рыбине, бьющейся на мели и, казалось, уже беспомощной и беззащитной.

Он был уже в нескольких шагах от нее и в душу торжествовал победу, отбросил спиннинг в сторону, перехватив руками леску. Но... звенящая на камушках блесна неожиданно вырвалась из широко раскрытой пасти щуки, просвистела над ухом и где-то вдали глухо шлепнулась в воду.

Щука, освободившись от пут рыболова, затрепыхалась словно заводная, забилась и с каждым мгновением все ближе и ближе продвигалась к шумному пенящемуся водовороту, за которым открывалась широкая гладь другого не менее значимого омута.

Сергей отбросил в сторону леску и кошкой бросился на выделяющую кренделя щуку. Он упал всем телом на нее, стараясь прижать, утихомирить ее и не дать уйти в спасительную для нее глубину. Щука удавом извивалась под ним, хлестала его широким прохладным хвостом. Она никак не хотела сдаваться. До спасительного водоворота, окажись в котором она бы никогда не стала бы пленницей рыболова, оставалось уже менее метра, и каждый миг единоборства сокращал это расстояние.

Наконец Сергей изловчился и всей пятерней ухватил ее под жабры и на карачках, не вставая в полный рост, поволок ее подальше от воды. Она все еще трепыхалась, била хвостом, изворачивалась, пытаясь вырваться из цепкой хватки Сергея. Он вытащил рыбину на берег и положил на траву. Непокорная еще с минуту назад, рыбина лежала почти неподвижно.

Она тяжело и смиренно хлопала жаберными крышками, словно прощаясь со своей родной водной стихией. В ее неподвижных желтых глазах отражалось серое низкое небо. Сергей, не обращая внимания на тонкие струйки крови, сочившиеся из ладони, ухнул с ней рядом...

** *** **

... В поединке со щукой Сергей не заметил, как небо огрузло, опустилось на самые маковки деревьев. Плотные сизые тучи объединились воедино, стали свинцово-темными. Началась редкая сеющая морось, которая быстро набрала силу и перешла в густой крупный дождь.

Он, смерив глазами притихшую и начинающую коченеть рыбину, поднялся во весь рост. Волнение и трепет уже исчезли, но в руках все еще оставалась предательская дрожь. Хотелось курить, но сигареты и спички отсырели. Сергей чертыхнулся, обозвал себя болваном и швырнул в сторону распавшийся спичечный коробок и пачку «Примы», в которой были уже не сигареты, а сплошное табачное месиво. Успокаивало и обнадеживало одно: в кармане рюкзака, валявшегося где-то на берегу омута, лежала завернутая в целлофановый пакет непочатая пачка сигарет – давний неприкосновенный запас. Возможно, там притаился и спичек коробок. Но со спичками вышла промашка. Их в пакете не оказалось.

«Где-то тут деревенька должна быть», смекнул он, вспомнив рассказы друзей-рыболовов, про Маньку-Щуку, и огляделся кругом. Из-за гряды прибрежных кустов размыто и неясно сквозь пелену дождя выглядывала темная от сырости тесовая крыша, а рядом с ней зениткой наизготовку торчал колодезный журавль. Деревня была совсем рядом.

Дождь не затихал, но шел какими-то волнами - то малость ослабевал, то припускал с новой силой и кипящим самоваром шипел в траве. На небе не было ни просвета, ни четких контуров проливающих дождем туч. Сергей собрал спиннинг, упаковал щуку в рюкзак, причем, даже свернутая в калач, вся она в мешок не вошла, и ее широкий хвост торчал из-под клапана. Он

промок до последней нитки, в сапогах булькало, но рыболов ничуть не озяб. Дождь был настоящим июньским грибосеем – теплым, парным.

Сергей забросил потяжелевшую поклажу за плечи и, пробиваясь кустами, словно сквозь стену водопада, неторопливо направился к жилью. Щучий хвост за его спиной раскачивался из стороны в сторону, будто заснувшая уже рыбина с печалью и грустью прощалась со своим тихим глубоким омутом и вечно беспокойным, журчащим камешником.

Сергей не стал подниматься по крутому травянистому склону к горбатуму и готовому вот-вот рухнуть мосту, а прямушками зашагал к деревне вдоль широкой лощины, затянутой мелким и стелющимся по траве ивовыми кустами.

Неподалеку от деревни лощину во всю ширь перегораживала высокая плотина. « Давно, видать, сделана», - с видом знатока оценил Сергей, подходя к ней вплотную. Подъем на нее был густо покрыт травой, а на середине дамбы, будто сестры-близнецы, стояли три низкорослые курчавые березки.

Он поднялся на плотину и замер на полушаге, на берегу подле самой кромки пруда одиноким изваянием стояла женщина. Поверх одежды на ней была легкая прозрачная накидка. Стояла неподвижно, будто окаменелая. В руках она держала длинный шест толщиной с черен лопаты, от которого свисала и уходила в воду бечевка.

« Вот она, Манька-Щука, которая постоянно живет с рыбой!» - безошибочно догадался Сергей и замер, пытаясь незаметно отступить назад, чтобы не напугать и не встревожить ее. Он хотел спрятаться за плотиной, украдкой понаблюдать за ней, и уже обернулся назад, чтобы оглядеть путь к отступлению.

- Чего прячешься? - раздался над прудом грубоватый не по-женски голос. - Здравствуй! Подходи да хвастай! Вижу, что с рыбалки. Как улов?

Сергей вздрогнул от неожиданности и застыл в изумлении: «Надо же какая глазастая!»

Таиться уже было нечего и он осторожно, чтобы не шмякнуться в пруд, подошел к ней, сухо и коротко поздоровался.

Она окинула его измеряющим взглядом и кивнула в ответ. В ее глазах не было ни беспокойства, ни удивления, но все же она поллюбопытствовала:

- А что-то я тебя в здешних краях раньше ни разу не видала. Не из наших что ли?

- Да нет, местный я, - уже несколько бодрее ответил Сергей. – А здесь точно ни разу не бывал. Обычно на Ветлуге рыбачу. Там и рыба разнообразнее, и простор пошире... Спичками не богаты?

- С собой не имею. А дома - пожалуйста, хоть упаковку целую...

Она откинула капюшон. Мелкие кровеносные сосудики густо вырисовывались на ее щеках и от того они пылали румянцем и походили на большие спелые яблоки. Нос был длинным и острым, похожим на птичий клюв и, как показалось Сергею, выглядел на таком приятном лице как-то неуклюже и даже неестественно. Из-под туго затянутой косынки выбивались жидкие прядки белых, как свежий снег, волос. В руках женщины отполированный до блеска длинный шест, а подле ног стоял стоял алюминиевый бидон с помятым боком. «Годов семьдесят или более, А смотри - рыбачит».

- Ну, и как получается?

- А то же! – бойко ответила рыбачка. – Без рыбы не ухажу. Она, чай, здесь у меня как в котле. Только черпай да черпай! Вот – смотри...

Шпагат натянулся, а потом из воды показалась и сама допотопная снасть, похожая на большое – метра полтора, решето. Оно было будто живым. В нем подпрыгивали, мельтешили тусклым серебром мелкие шустрые рыбешки. Их там кишело кишмя. Они бойко прыгали по всему самошитому марлевому решету и даже переваливались через край, падали в

воду и через мгновение от короткого пребывания в неволе, юрко скрывались в глубине.

- Вот теперь хватит, - подытожила Манька-Щука, пригоршнями собрав всех рыбок подчистую, а тех, которые выпали на траву, откинула обратно в пруд. Бидончик был почти полон.

- А у тебя как? Или беса к лесу сгонял в такую непогодь? – вытирая о траву свои облепленные мелкой серебристой чешуей руки, спросила она.

Да нет, не зря сводил, - ответил Серей с широкой и доброй улыбкой, и повернулся к своей собеседнице рюкзаком и с гордостью даже припрыгнул на месте. Хвост рыбины несколько раз нежно и с какой-то согревающей душу прохладой шлепнул его по загривку, словно упрекая хозяина в излишнем хвастовстве.

Сергей надеялся и даже был уверен на все сто, что старушка увидит торчащую из рюкзака щуку и плеснет руками и обомлеет от удивления и непременно похвалит удачливого рыболова. Но похоже особого впечатления вид рыбины на нее не произвел.

- Ну и слава Богу, - с добродушной улыбкой и с толикой грусти проговорила она. – Покойный мой муженек тоже там на реке подле мельницы ловил и помногу бывало. Но он наротами. Налимья приносил, пестерь полный набивал. Ну и щуки бывали, но те реже и не столь велики – так, с ивасину – не боле.

- Ну пойдём – спичек огорюю, - махнула она рукой в сторону деревни. – Чаю поставлю, посидишь, побсякнешь. А то, смотри, на водяного похож...

- Пойдем, а то полдня почти без огня живу, - согласился Сергей.

- Тогда и рыбу мне поможешь донести. Тебе это влеготу, а мне и бидон непомерной ношей становится. Ведь восемьдесят два, а все бегаю, качаюсь, как осина старая. Дуньку – соседку мою вчера дочка в город увезла. А потому совсем одна остаюсь с рыбками этими да с козлухой...

И не понятно было толи она говорила это почти совсем незнакомому ей Сергею, толи разговаривала сама с собой.

Рыбачка , не сходя с места, сунула свою немудреную снасть под куст и, опираясь на палку, стала медленно выбираться наверх.

- А ты иди, вперед правься. Я ведь, как каракатица, тихо ползу, - пропустила она его вперед по проторенной тропинке. – Дом мой с краю, дверь не заперта – так полка приставлена. Убери ее и отвори, в избу заходи.

Сергей не насмелился и будто не слышал ее слов, медленно плелся за ней. Его спутница грузной уткой переваливалась с ноги на ногу. Ее ступни почти не отрывались от земли и лыжами шаркали по давно непаханому забытому полю.

Он шел за ней след в след и будь впереди его кто-нибудь другой, например, друг-рыболов, Сергей без каких-либо раздумий обогнал бы и умалыхтал далеко вперед. А тут он понуро плелся за Манькой-Щукой, которая тяжело дышала и за всю дорогу ни обронила ни слова.

Около калитки она пропустила его вперед:

- Ну, проходи, не чурайся! – проговорила она и, переведя дух, добавила: - Посиди, покури, хоть мужиком в доме напахнет. – А я чай той порой поставлю.

Пока хозяйка копошилась на кухне, гость сидел у раскрытого окна, курил и осматривал избу, в которой до этого бывать не приходилось. На стенах фотографии в рамках, на полке тикающие ходики и приемник « Альпинист», шкаф с рюмками и стаканами.... Рюкзак с уловом он положил на лавку, идущую чуть ли не вдоль всей стены, и развернул его так, чтобы свисающий хвост щуки был виден и заметен. Ему очень хотелось перед кем-нибудь похвалиться и с бравадой и гордостью рассказать, как нелегко досталась ему эта рыбина – пришлось даже в воду прыгать. И такой случай ему представился.

- А ну-ка, покажь, что за рыбина! – будто читая мысли своего гостя, проговорила вынырнувшая из-под занавески Манька-Щука. - На стол выкладывай, не стесняйся. Потом тряпкой сотру – не велика и грязь!

Сергей с удовольствием принял предложение и с показной гордостью не спеша развязал рюкзак и распрямив уже окоченевшую щуку выложил ее на стол. Она была четверти на две больше столешницы.

- Вот это щучище! – наконец-то долгожданно для Сергея удивилась и всплеснула руками хозяйка. – Надо же какие в нашей речке водятся! Не верится даже.

Она оторвала взгляд от стола и продолжила:

Муженек мой лавливал и щук, и налимов. Но вот таких больших, врать не буду, ни разу не приносил.

Хозяйка села на стул напротив курящего у окна Сергея, и, сложив на коленях руки крестом, оживленно заговорила.

- Про щуку-то вот вспомнила. Она ведь мне и имя второе дала. Меня и до сих пор Щукой называют. А я и не в обиде – Щуку так Щука! Не ворона же или змея подколотная.

Еще в девках такое было. Лен мы тогда в реке мочили. Набросали снопов в омут - аж воды не видать. По снопам с берега на берег воробьями перескакивали. А ночью гроза началась – светопреставление целое! Молнии, гром такой, что посуда на столах, того и гляди, разбиваться начнет. Ливень, как из ведра поливает. И до самого утра крутоверть такая была. Тятка тогда в колхозе бригадирил. Сидит за столом туча тучей, если, говорит, лен унесло – и посадить хоть бы хны смогут за такие дела... Сам на реку не идет, боится даже увидеть то, что гроза натворила, кандрашка, сказываает, схватить может. Ну я и вызвалась. Что мне? Молодая, на ногу резвая – километр-другой для меня не версты.

Прибегаю к яме. Смотрю, вода в ней вьюнами бьется и ни одного снопика – весь колхозный урожай смыло. Я вниз по течению, бегу, только ляжки мелькают. Дальше, знаю, камешник был – мелкий-мелкий, а длиной – вон до Дунькиного дома будет, ежели не больше. И вижу – весь он от начала до конца – снопами забит, он будто ими специально кем-то вымощен. Снопики – рядками, один к одному. Хотела уж обратно тикать, тятку

успокоить, да остановилась, замерла. Слышу где-то в снопах – шлеп да шлеп! А ни ветра, ни дождя – ничего нет. Солнце туман парной пробивается.

Присмотрелась – аж страх меня одолел! Посреди камешника щука, как бревно, поперек снопа лежала и хвостом по воде дубасила. Тятюку бежать звать – рыбина убежит и самую меня потом на смех подымут. Видать, мол, грома испугалась и карзиться несусветное стало. И где я тогда и смелости и силы взяла – сама не уразумела. Выскочила я на камешник и щуку эту вместе со снопом, будто ребенка малого, к себе прижала. И как до дому добежала, не помню. Через всю деревню, босая и с такой-то ношей. Вот тогда-то мне имя-то такое или прозвище и приладили.

А тятюка на мою щуку и смотреть не стал. Спросил только про снопы, и когда узнал, что их не унесло за тридевять земель, а они рядом на камешнике застряли, махом туда умчался, даже кiset с табаком на лавке оставил. На радостях, видать, не до курева было. Спасли тогда лен – весь до снопика. А щука была – чуть ли не с эту,- показала она на стол, столешницу. Таких больше я не видала да и не лавливала. Как пруд сделали, да килька эта в нем появилась – только сюда и ходить-то с мужиком стали. А теперь вот почти три десятка годов одна хожу. Вот такую мелочь только и ловлю... Ну, чем я не щука! Да еще какая – сколько голов на раз сгубила!

- И куда столько много? Кошкам или себе? – поинтересовался Сергей, но собеседница всплеснув руками убежала на кухню – чайник бы не убежал?

Но Щука, вернувшись с дышащим паром чайником, не забыла про вопрос своего гостя.

- Сейчас отвечу,- погрозила она пальцем и принялась разливать чай по старинным граненым стаканам.

- Я их засаливаю по своему специальному рецепту. Получается, пальчики оближешь да если еще с картошкой свежей, то и ум отъешь! А кошка у меня чванливая очень, сырую рыбу только понюхает и морду воротит – ей вареную или жареную подавай. Словом, барыня барыней!

Эх,- вздохнула она. - Плохо, что у меня сейчас рыбки готовой нет. Дуньку в город провожали, всю что было – к ней унесла. Но кильку магазинную и близко к моей рыбке не поставишь! Вот посолю, недельки через две на стол будет можно ставить. Заходи, попробуешь. Понравится, расскажу, как и с чем солится. А то, мало ли чего, хоть рецепт мой сохранится, и то людям память...

И эти последние слова она произнесла с какой-то задумчивостью и грустью...

Дождь не переставал, но начал перемежаться. Он то шумно лупил по лужам, то переходил на мелкую морось. Небо посветлело, предвещая, что вот-вот сплошная серая пелена начнет разрываться на части и среди облаков появятся голубые прогалины, выглянет солнце, и погода наладится.

Хозяйка, наскучавшись в одиночестве, говорила, почти не умолкая. Рассказала о своих детях, живущих где-то за тридевять земель. Она с гордостью показывала на их портреты в старинных застекленных рамках. Повела и о муженьке-чудаке покойном. Тот за лен почти каждый год премии колхозные огребал и каждый раз, получив эти самые премиальные какие-нибудь номера откалывал.

- Вот и пруд-то этот потому и дорог мне, он его на свою премию построил. Всю до копейки выгреб и отдал бульдозерщику, который в этом логу дня два-три пластался.

Я поначалу, - кошкой в него вцепилась, - перевела она дух. – Лучше бы, говорю, велосипед деткам купил или одежду какую. А он только лыбится, чего, мол, жалеть деньги-то, чай, почти как дармовые – как пришли так и ушли...

Только зря на него собачилась. Карасей потом он завез, линей посадили. А мелочь эта сама собой завелась и расплодилась – ловить не переловить! Пруд этот – как памятник ему. Потом на ускоренном он и почил...Заснул и не проснулся. Я бужу, бужу его, а у него и духа нет никакого...

Да чего это я о грустном? - спохватилась Щука, - Ведь и веселого в моей жизни было не мало. Опять же, помню, муженек за премией уехал. Мы с детками ждем-пождем, лампу керосиновую зажгли, а его нет и нет. Я сижу голову ломаю, что он сегодня надумает. И заявляется. Трезвый, как стеклышко. Ящик у него в руках непонятный. Он его таким гоголем-моголем на стол ставит, крышку откидывает, ручка с боку откуда-то появилась. Накрутил он ее, и по всему дому гармошка заиграла, частушки на все голоса. Мы с детками к столу, рты раззявили, смотрим-смотрим вовсе глаза и понять не можем ничего. А это патефон был, в деревне до этого никто такую штуковину не видал. муженек хвастовства ради, чего-чего, а грешок такой за ним смолоду водился, все окошки на распашку и даже двери настежь отворил.

Вот тогда-то самое смешное и получилось. Петенька – сынок наш аккурат как ты, - кивнула она на своего гостя, - у окна сидел. Видим, он что-то суетиться стал, крутит сычом головенку, а потом выглянул за зановеску и лица на нем нету. Он даже сказать ничего не может, язык у мальчика отнялся...

Под окошком да среди ночи вся деревня от мала до велика сбежалась. Слышат праздник идет, пир горой, песни на всю ивановскую. А зайти любопытствовать боятся. Раз, мол, не позвали в гости, то, значит, на осерчали и не пригласили, и нам назло гуляют при окнах открытых. Ну, вышла я в сени, позвала всех... Вот тут-то и разгулялись, до утра пластинки мозолили. Патефон поет, и мы с ним тоже... А смеху потом было! Как сойдемся, так и вспоминаем гулянку ту нашу ночную.

А Петенька-то должен вот-вот в гости объявиться. Не помню, когда и бывал. И ехать даль-дальняя, и семья – чего его винить. И радуюсь, что посулился приехать, и боюсь – аж страхи берут! К себе снова звать будет. А я не хочу, супротивится буду. И здесь свой век докоротаю, доскриплю старой калошей. Уж совсем не замогу – тогда дело другое. А так почтальонка приходит, мужик у нее бывает наведывается, чуть что подсобят. Да и ваш

брат, рыбаки, или Маньке-Щуке не помогут. Чай, ведь и для них не чужая – одного поля ягоды.

Сергей уже опорожнил пару стаканов, сидел и постукивал пальцами по столу, выжидая подходящий момент, чтобы вклиниться в долгий монолог рассказчицы, поблагодарить и распрощаться с гостеприимной хозяйкой. Дождь уже перестал, всю светило и по-летнему пригревало солнышко, уже перевалившееся на другую сторону неба.

Наконец-то это ему удалось. Щука виновато засуетилась, мол, заговорила я тебя, заболталась и чуру не знала. И тебе, наверное, недосуг, и мне еще с рыбой надо разделаться – вот сын приедет, порадуетя...

Сергей украдкой усмехнулся, есть, мол, чему тут радоваться! Рыбешка-то рыбешка, на живца и то не сгодится, на окуня разве...

И вдруг его осенила мысль, влетевшая будто пуля – стремительно и неизвестно откуда. Он, начавший уже зашнуривать свой рюкзак, снова его раскрыл, вынул щуку и вновь положил ее на стол. Острым охотничьим ножом, который был постоянным спутником и на рыбалке, и в лесу, разрезал рыбину на двое.

- Это вам. И сына угостите, и сами отведаете, - Указал Сергей на оставшуюся на столе хвостовую часть щуки. – А то какие-то малявки! Не обижайтесь, но не серьезно как-то... Тем более, что он у вас в кои-то веки бывал.

От подарка Манька Щука не отказалась. Она увидела свой смысл:

- А я ему специально покажу, пусть знает, что я здесь ни одна-одинешенька живу – рыбаки меня опекают, помогают. Глядишь, и сумею воспротивиться уговорам. Правда? – с неуверенностью, но с искорками надежды, спросила она и с чувством сожаления добавила: - Холодильник только, как на грех, отказал – грозой недавно шандарахнуло. Сын приедет – сделает, он у меня на все руки мастер. А рыбину сберегу, я – сумею!

В ответ Сергей только кивнул, затягивая потуже горловину рюкзака:

- А из головы этой щуки я чучело сделаю – таких ведь даже на Ветлуге взять не удавалось. А у вас на речке... Пусть память останется.

Он уже выходил из из избы, но Манька-Щука останорвила его:

- Приемник у меня поломался. После той грозы и замолчал, может возьмешь, авось да там в районе сладят. Он мне, как человек живой, лежу на кровати слушаю, а иной раз и подпеваю, если там задушевно поют. На ночь даже не увертываю ... Телевизор не то, его смотреть надо. Да и подарок это сыновий. Пусть увидит, что он у меня и до сих пор в целости и сохранности. Вот и причина будет ко мне снова заглянуть. И рыбки моей испробуешь, а ежели по нраву станет, то и солить научу...

Сергей поставил рюкзак на пол, аккуратно положил «Альпинист» в самый большой карман. Места оказалось из тютельки в тютельку.

К большаку он снова пошел прямушками и прежде, чем скрыться в лесу, обернулся на деревню, на тот уютный и сиротливо стоящий на окраине дом Маньки-Щуки. Там никого не было видно и только колодезный журавль едва заметно ступенями поднимался к небу...

** *** **

Почти две недели подряд лето будто подменили. Все эти дни были похожи на сентябрьские и притом не самые начальные – холодные, ветреные, сырые. И, казалось, конца и края такой застоявшейся непогоды не будет.

Но разненастилось. Погода наладилась к выходным и так же неожиданно, как засиверала. За ночь тучи рассеялись, густым туманом и обильной холодящей ноги росой опустились на промоченные травы, луга.

Сергей ожидал этих дней с большим нетерпением. Хотелось вновь побывать на той самой, прячущейся в обилии зелени, речке, в той забытой богом и людьми деревушке. Последнее было для него, пожалуй, важнее, чем блеснение щук в тихих и глубоких бочагах...

«Альпинист» тогда он отдал в ремонт своему знакомому мастеру в тот же день. А утром приемник уже орал так, что при полной громкости, хоть

уши затыкай! Поломка оказалась пустяковой, на устранение которой времени много не потребовалось – так, не часы, а минуты даже.

Спиннингист долго на реке не задержался. Он, оказавшись теперь уже знакомых освоенных им местах, не стал облавливать все бочаги подряд, не останавливался на перекатах, а напрямик направился к тому мельничному омуту, от которого до деревни рукой подать.

Поклевка была неожиданной. И заброс был не ахти удачный, блесна упала совсем не туда, куда целил Сергей, но несколько оборотов катушки – и будто зацеп! Взяла!

Но эта щука была намного меньше, чем та – пару недель назад. Схватка была короткой. Рыбина скоро оказалась на берегу, а затем забилась в глубокой холщовой сумке спиннингиста. Он хотел было уже повременить с рыбалкой, не мокнуть в не обсохших еще кустах, а пойти в гости к Маньке-Щуке, порадовать ее заново рожденным «Альпинистом», но охвативший его азарт рыболова не отпустил. Сергей решил сделать еще с пяток забросов, а уж потом на время оставить омут в покое.

Первые четыре заброса оказались впустую – не было даже попыток щучьей хватки. А пятый, которым Сергей и хотел завершить эту утреннюю рыбалку, оказался удачным. Еще одна щучка взбурунив воду на середине омута, оказалась на крючке. Она почти не сопротивлялась и только у самого берега шумно плеснулась раз-другой и оказалась в руках рыболова. Рыбина была точь-в-точь такой же, как первая, словно они сестры-близняшки.

Прошло-то всего-ничего – каких-нибудь полчаса, а улов уже радовал Сергея и обнадеживал, говорил о том, что щука после непогоды разгулялась, вошла в раж. Но он решил сбегать накоротке и порадовать старушку, а потом воротиться назад и походить по другим омутам и перекатам.

Шел он бодро, включив приемник на полную катушку. «Альпинист» оглашал всю округу, и Сергею, казалось, что вот-вот издалека услышит его и сама хозяйка и непременно выйдет навстречу. Но не появилась. У дома ее сиротливо стоял темно-лакированный внедорожник.

«Ага, сын приехал, - догадался он. – Значит, и приемник как раз кстати будет. Он не убавляя громкости, подошел к калитке, растворенной настежь, кротко постучал в дверь и не дожидаясь ответа, перешагнув порог. Улыбка на его лице сразу спала...

За столом на том самом месте, где он курил и чаевничал, хмуро и одиноко сидел мужчина, глазами похожий на хозяйку дома. Сергей догадался, что это сын Маньки-Щуки. Он угомонил «Альпинист», кивком головы поздоровался и, как бы извиняясь, тихо произнес:

- Приемник вот принес – починили. А то хозяйке без него, говорила, совсем тоска зеленая...

Петр окинул его отрешенным мрачным взглядом и с болью в голосе тихо, словно боясь кого-то разбудить, проговорил полупрошептом:

- Нет больше мамы... Вчера похоронили...

Сергей окаменевшей статуей стоял у порога, не зная, что делать. И в избу проходить не удобно, и покидать одиноко сидящего Петра, осунувшегося от внезапного горя - тоже.

- Да она же пару недель жива-здоровая была. На рыбалку ходила... Приемник вот просила в ремонт свезти.

- Все, видать, отжила свой век... Да ты проходи, - Петр кротким жестом пригласил Серею к столу. – Помянем старушку...

Затем он сходил на кухню, принес тарелку с накрытой тарелкой кобасой, достал из комода старинные граненые рюмки, и вопрошающе уставился на своего неожиданного гостя:

- Знаешь, я водке нынешней не доверяю. А потому свое с собой привез. Спирт. Тебе как – водой развести или так слабо?

Сергей поморщился, вспоминая как его угощали спиртом из канистры на какой-то вечеринке, и он после этого целый день не мог головы от подушки отделить, а потом еще долго отрыгалось не то бензином, не то ацетоном...

- Вижу, что развести надо - сейчас за холодяжкой сбегаю. А спирт, ты не бойся, самый надежный, медицинский... Жена в аптеке работает, - бросил он на ходу и брякая пустым ведром скрылся за порогом. Вскоре журавль запел своим тонким, скрипучим голоском...

Вернулся Петр быстро и вместе с ведром воды принес тот самый бидон с помятым боком, с которым Манька-Щука еще несколько ден назад ходила на пруд и большой пластиковый пакет с ручками.

- О, я еще и клад, наверное, мамин нашел. На веревке было в колодец опущено. Ну-ка, посмотрим, что за драгоценности, - и он склонив голову, зашуршал пакетом, а затем с особой аккуратностью вынул оттуда хвостовую часть щуки...

Сергей сразу понял, что это кусок той самой рыбины, которую он хвастливо выкладывал на столе перед взором удивленной хозяйки. Она его хотела сохранить до приезда сына.

- Надо же! Мама Щука поймала такую шуку, а ведь дней пять назад по телефону не хвастала. Сказала, что холодильник грозой вышибло и все. А это утаила, сюрприз готовила. Да, - вздохнул он глубоко, - преподнесла сюрприз. Ехал к живой, к себе в Тюмень хотел увезти... А приехал, только высмотрел и поговорить даже толком не успели. Минут на пять и виделись всего! Только стал к ней с переездом подъезжать, а она рукой на меня махнула... Села, охнула и на пол повалилась. Подхватил я ее, не дал ушибиться, а толку-то что? Так на руках и пормерла. Врачи сказали - сердце подкачало, не выдержало...

Он подошел с бидоном к окну, заглянул внутрь, наклонился и потянул носом:

- Вот это нам подойдет, - удовлетворенно проговорил он. – Изысканная закуска! Умела же она у нас... была. Рыбу солила, пироги стряпала. Все могла.

Петр смахнул с тарелки кружочки колбасы, и насыпал в нее из бидона горку мелких-мелких рыбок, чуть ли не покрытых какими-то ароматными

специями. Он показал сидящему за столом Сергею большой палец и с гордостью отметил:

- Во, штука! Лет десять назад, если не более, пробовал, а до сих пор вспоминаю.

Выпили, не чокаясь. Сергей разведенный наполовину водой, Петр – махнул на ведро рукой и, задержав дыхание, залпом опрокинул спирт чистоганом. Потом с шумом резко выдохнул и кончиками пальцев осторожно, чтобы не рассыпать горку, взял мелкую рыбешку и запрокинув голову, словно пеликан, опустил ее в рот и от удовольствия прикрыл глаза. Потом выпрямился, посмотрел на притаившуюся в углу иконку, на портрет матери:

- Ну, спасибо, мама! Царствие тебе небесное!

Сергей тоже притронулся к этой неизвестной ему еще пока закуске, помня, что еще она, Манька-Щука сулилась угостить его этой рыбкой и коли придется по вкусу, дать рецепт.

Рыбка понравилась. Она была и жирной, и в меру соленой, а специи придавали ей какой-то особенный напоминающий что-то давнее, непонятное. И он вспомнил, как давным-давно, когда он еще учился в школе, в деревенском сельповском магазине продавали продавали такую же мелкую, но очень вкусную рыбку. Название ее он запомнил, оно вертелось на языке, но никак не слетало. Он, вылавливая их с тарелки одну за другой наконец-то вспомнил: хамса! Та тоже была такой же мелкой, нет даже мельче – со спичечный коробок и также густо смешанные со специями. Но их приходилось чистить самому. А эти рыбки были без внутренностей и без голов. Они будто таяли во рту.

- А рецепта не знаешь? – спросил он Петра, кивая на ополовиненную тарелку.

- Чего-чего, а это она... с собой унесла. Не знаю. Надо было раньше ее самую спросить. Чай, ведь, знакомы были...

- Были... Не успел вот такого секрета узнать.

Они выпили еще по одной. Сергей в знак того, чтобы ему больше не наливать, сначала накрыл стопку ладонью, а потом перевернул ее кверху дном.

- Помянул и хватит. А то мне и на реке не бывать, шандарахнусь еще или сам себя на блесну изловлю.

- Так ты еще и на рыбалку пойдешь?

Сергей утвердительно кивнул, хотя сидел в раздумьи – идти не идти? В небе клубились плотные свинцовые, откуда-то издалека доносились приглушенные раскаты грома. Они то приближались, то вновь становились едва слышимыми.

- А я вот еще налью, - чмокнул губами Петр и задумчиво посмотрел в окно. – А потом поспать надо, две ночи, чай, глаз не сомкнул. Утром со свежей головой соберусь и домой,.. И прощай моя малая родина.

Глаза его повлажнели. Он опрокинул спирт залпом, занюхал корочкой хлеба и положил ее обратно. Кусок в горло не лез.

- Вот и все, - окинул он взглядом избу. – Ни мамы теперь, ни деревни нашей. Ничего, кроме пустоты. Обрублены мои корни. И напроць. И вряд ли еще раз удастся здесь побывать...

Петр выглядел устало, изнеможенно. Но когда Сергей встал из-за стола, он, не поднимаясь со стула, он крепко до боли пожал руку:

- Спасибо, друг! А ты не чурайся, заходи. Мне ничего здесь не надо, оставлю все, как есть. Только вот, - он подвинул к себе приемник, - возьму. Его мама слушала... Остального – своего девать некуда. Все у меня есть, все... Ну, да ладно, иди. А я прилягу...

Сергей распрощался с изрядно закосевшим и усталым собеседником. Постоял у калитки, межуясь – идти на речку или перендумать? И тут гром, раздавшийся за ближайшим лесом разом рассеял его сомнения. « Две щучки есть, а что мне – десяток надо? Этих хватит».

Он едва успел дойти до большака, лес за спиной зашумел все сильнее и сильнее, крупные капли дождя сначала робко забили по дороге, потом

припустили так, что хоть беги обратно в лес и прятайся. Из пелены дождя показалась попутка...

Лето свернулось круто, остаток его пролетел так быстро, что Сергей так и не бывал больше на тех самых лесных заросших омутах, не подымался на угор, где сиротливо стоял на краю деревушки уютный домик Маньки-Щуки.

Но следующей весной он выкроил время и отправился туда. Вода еще была большая, а потому на его блесну, сколько он не пытался забрасывать, никто не позарился.

Сергей поднялся в гору, где дом Маньки-Щуки должен быть виден, как на ладони. Но избы не увидел. На месте ее темнели черные головешки да кособенилась, словно сиясь не упасть, полуразвалившаяся печь. И только колодезный журавль гордо и невозмутимо смотрел в голубое весеннее небо. На самом верху его мрачным сторожем сидел петух-тетерев. Да и тот, почувствовав или заметив неподвижно стоящего вдали рыболова, завертел головой, а потом и вовсе снялся и улетел...